

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-100-116

УДК 165.19

Метафора: современные идеи

Моркина Юлия Сергеевна,

кандидат философских наук,

старший научный сотрудник Института философии РАН,

Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-154X>

morkina21@mail.ru

Аннотация

В статье освещаются новейшие идеи, связанные с исследованиями метафоры, уже проведенными и проводимыми в настоящее время западными англоязычными авторами. Что собой представляет метафора, как рождается и воспринимается, что означает процесс метафоризации для познания и сознания: повседневного, научного, поэтического. Процессам, связанным с пониманием метафор, уделяется сейчас повышенное внимание, поскольку они (во всяком случае, так считают исследователи) имеют прямое отношение к процессам, происходящим в мозге и определяющим наше познание. Метафора исследуется в рамках таких молодых, но многообещающих дисциплин, как когнитивная лингвистика и когнитивная поэтика. Исследователи, работающие над объяснением сути метафоры и механизмов метафоризации, приводят в своих работах десятки имен своих предшественников и оппонентов, так что исчерпывающий обзор невозможен. Но в потоке литературы по метафоре есть имена, которые нельзя обойти. В данной работе рассматриваются и анализируются взгляды Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff G., Johnson M.), а также М. Тёрнера (Turner M.). Все авторы сходятся на том, что метафора – это отображение одного предмета или области жизни (источника) на другой предмет или область (цель). Все теории также согласны в том, что источник отображается на цель не полностью – отображается какой-то один признак, связка признаков или система отражений. Так же и цель принимает на себя не только то, что отображается из источника: цель имеет свои признаки, не сходные с признаками источника. Признаки эти затемняются при метафоризации, как бы уходят в тень. В статье показано, что в основе метафоризации лежит не сравнение, но категоризация и создание эмерджентного концептуального пространства, в котором существует метафора.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, теория взаимодействия, концептуальная метафора, гипотеза «карьеру метафоры», источник и цель, смысл.

Metaphor: Modern Ideas

Julia Morkina,

Cand. Sc. (Philosophy),

Senior Researcher, Institute of Philosophy RAS,

12, Bldg. 1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-154X>

morkina21@mail.ru

Abstract

This paper highlights the latest ideas related to metaphor studies already conducted and currently being conducted by Western English-speaking authors. What metaphor is, how it is generated and perceived, and what the process of metaphorization means for cognition and consciousness – everyday, scientific, and poetic. The processes associated with understanding metaphors are now receiving increased attention, since they are directly related to the processes occurring in the brain and determining our cognition. Researchers working to explain the essence of metaphor and the mechanisms of metaphorization cite dozens of names of their predecessors and opponents in their works, so an exhaustive review is impossible. But there are names in the literature on metaphor that cannot be ignored. In this paper, such personalities are considered by J. Lakoff and M. Johnson, as well as M. Turner. All authors agree that a metaphor is a mapping of one subject or area of life (Source Domain) to another subject or area (Target Domain). All theories also agree that the Source Domain is not fully mapped to the Target Domain – one feature, a bunch of features, or a system of reflections is displayed. Similarly, the Target Domain takes on not only what is displayed from the Source Domain. The mechanism of metaphorization is seen differently by different authors, and this paper presents several different visions. The paper shows that metaphorization is based not on comparison, but on categorization and the creation of an emergent conceptual space in which metaphor exists.

Keywords: metaphor, metaphorization, theory of interaction, conceptual metaphor, hypothesis of the “career of metaphor”, source and purpose, meaning.

Библиографическое описание для цитирования:

Моркина Ю.С. Метафора: современные идеи // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 3, ч. 1. – С. 100–116. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-100-116.

Morkina J. Metaphor: Modern Ideas. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 3, pt. 1, pp. 100–116. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.1-100-116.

1. Наивный взгляд на метафору

Наивный взгляд на метафору существовал с древних времен. Сам термин «метафора» (греч. μεταφορά – перенос) представляет собой метафору. Ведь смысл не переносится, как предмет, с одного слова или выражения на другое. Это будет ясно из дальнейшего содержания данной статьи.

Со времен Аристотеля наиболее привлекательной чертой метафоры часто считалась ее способность придавать речи риторическую живость: «Живость специально передается метафорой и еще большей способностью удивлять слушателя; поскольку слушающий ожидал чего-то другого, его речь стала более выразительной, усвоение новой идеи впечатляет его еще больше» [25, р. 245]. Такой взгляд на метафору привел Аристотеля к рассмотрению метафоры в рамках риторики, а не диалектики, где язык подчинялся буквальности и канонам строгой логики [25, р. 245].

Считалось, что метафора – полезный стилистический прием. Однако при этом метафора в целом должна занимать второе место после буквального языка и не имеет никакого отношения к строгой логике и высшей диалектике. В другом месте Аристотель отмечает: «Мы можем добавить, что если диалектический спор не должен использовать метафоры, то, очевидно, метафора и метафорические выражения исключены из определения: в противном случае диалектика включала бы метафору» [25, р. 245]. Он говорит о двусмысленности метафоры, отличающей ее от точного силлогизма.

У Аристотеля метафора связана с диалектикой, но очень отдаленным образом – через энтимему и логику вероятностей. Энтимема – это риторический прием, используемый в публичном дискурсе, часто в форме общепринятых сентенций: мнение, не содержащее своих посылок¹. Она, как и риторика в целом, по Аристотелю, предназначена для тех, кто не в состоянии тщательно продумать систематическую логику: «Обязанность риторики состоит в том, чтобы решать такие вопросы, о которых мы размышляем, без каких-либо искусств или систем, которые могли бы направлять нас, в присутствии людей, которые не могут с первого взгляда охватить сложную тему, аргументировать или следовать длинной цепочке рассуждений» [25, р. 245].

Отечественный исследователь XIX в., ученик А.А. Потебни А.Г. Горнфельд сетует: «Особенного внимания требуют тропы, как по своему значению в обиходе поэтической мысли, так и потому, что значение это входящем представлении и в большинстве учебных курсов характеризуется совершенно ошибочно. Основная ошибка общепринятых воззрений на поэтическую речь, нашедших выражение в учебниках теории словесности, заключается в том, что образность (“изобразительность”) считается здесь лишь свойством поэтического слога и изложения, тогда как она составляет сущность поэтического мышления. Дело представляется таким образом: мысль – она предполагается уже готовой, добытой – может быть выражена в форме прозаической или поэтической. При чисто прозаической форме

¹ Энтимема – это сокращенный силлогизм, в котором одна из посылок или заключение опускаются, поскольку считаются очевидными или общеизвестными.

изложения стилистика предъявляет к слогу писателя требования правильности, ясности, точности и чистоты; поэтическая форма потребует еще одного качества» [1, с. 343]. Это качество – изобразительность, которой способствуют эпитеты, сравнения, тропы и фигуры.

Отношение к метафоре начало изменяться только в последние несколько десятилетий, и в основном на Западе. Англоязычные философы развенчивают мифы о метафоре и наивный взгляд на нее. Наивная теория метафоры предполагала, что:

- 1) метафора – это просто украшение речи, преимущественно поэтической;
- 2) мы не так уж часто прибегаем к метафоре в нашей речи и мышлении;
- 3) в основе метафоры лежит сравнение.

Наивный взгляд на метафору заключался в рассмотрении ее единственно как украшения речи и в теории сравнения (в основе метафоры виделась логическая операция сравнения). Источником всех этих ошибок было то, что под анализ попадали самые яркие примеры метафор; пронизанность же метафорами всего языка и мышления оставалась бессознательной, поскольку мы так привыкли ко многим метафорическим значениям слов, что принимаем их за буквальные. Об этом убедительно говорят Дж. Лакофф и М. Джонсон, когда оспаривают такой наивный взгляд на метафору. Е.В. Лозинская пишет: «...когда мы, указывая на бюст Аристотеля, говорим: “Это – Аристотель”, – мы тем самым создаем систему ментальных пространств, из которых два связаны отношением часть/целое (Аристотель и его голова), а еще два – репрезентацией (Аристотель и его изображение). В финальном интегрированном пространстве изображение головы Аристотеля и Аристотель сплавлены в единое целое. М. Тёрнер и Ж. Фоконье называют этот процесс “сжатием отношений репрезентация и часть/целое в единичность”» [3, с. 75].

В настоящее время изучение метафоры стремительно развивается. Главным итогом этого изучения стало осознание того, что метафора – это концептуальный процесс, который следует рассматривать в междисциплинарной перспективе. Это расширение сферы охвата и особенно попытки изучить реальные психологические процессы, связанные с пониманием метафор, в рамках когнитивной психологии, например исследования Ортони (Ortony), Гентнера (Gentner) привели к появлению новых интересных наблюдений о структуре и понимании метафор.

Несмотря на очевидное сходство между изучением метафоры и абстракции и между изучением метафоры и изучением категоризации, связи между этими областями исследований уделялось мало внимания в когнитивной психологии или в других дисциплинах. Исследователи стали вы-

являть связь между метафорой и категоризацией как областями исследований. Так, Йешаяху Шен (Yeshayahu Shen) выдвигает предположение о том, что понимание метафоры – это, по сути, процесс формирования категории (*ad hoc*), который выявляется большинством последних исследований категоризации [18].

В настоящее время исследователи находят ошибочным предположение, что метафору можно объяснить с помощью так называемой модели сравнения. Джоуп П. Корнелиссен (Joep P. Cornelissen) считает, что, несмотря на возросшую популярность и актуальность, основные теоретические работы по метафоре по-прежнему не давали обоснованного представления о механизме метафоризации. В частности, в этих работах модель сравнения использовалась как единственное объяснение механизма действия метафоры. Корнелиссен обращает внимание на огромное количество научных данных в области когнитивной науки, опровергающих эту модель, и обрисовывает в общих чертах новую модель функционирования метафоры [8].

В теории сравнения предполагается, что понимание метафоры зависит от нахождения признака (или набора признаков), уже присутствующего в представлении объекта, хотя бы и такого, который, по крайней мере на начальном этапе, может не иметь для него большого значения. Таким образом, понимание метафоры состоит в поиске «основы», а именно тех черт, которые являются общими для цели и источника метафоры.

Корнелиссен подчеркивает, что, как бы привлекательна ни была эта точка зрения, огромное количество литературы по когнитивной науке (в том числе перенесенной в лингвистику и философию) в настоящее время указывает на то, что она не может объяснить тот факт, что метафоры порождают выводы, выходящие за рамки сходства, необходимого для их понимания.

Ортони в работе о дисбалансе значений в метафорах показал, что метафора кардинально отличается от буквального сравнения относительной выраженностью общих черт. Следовательно, метафоризацию нельзя объяснить, как это делают сторонники теории сравнения, сведя восприятие метафоры к сравнению цели и источника. Он отметил, что метафора часто используется для придания понятию свойств, которые ранее отсутствовали в этом понятии, или для усиления свойств, которые ранее считались не слишком заметными [13, 14].

2. Модель взаимодействия в теории метафоры

В так называемой модели взаимодействия, впервые предложенной М. Блэком (M. Black) [5, 6, 14], предлагается альтернативная точка зрения: метафора не может быть сведена к четко определенным признакам или

атрибутам, потому что, когда они конкретизированы, мы не получаем метафорического эффекта, о котором идет речь. Характеристики или особенности источника не могут быть применены непосредственно к целевому объекту, поскольку характеристики, которые они «разделяют», часто разделяются только метафорически. Таким образом, Блэк предполагает, что метафорическое понимание не может быть сведено к предшествующим буквальным значениям или к регулируемым правилами расширения или вариациям этих значений. Вместо того чтобы рассматривать метафору как уподобление цели источнику, Блэк утверждает, что соединение цели и источника выявляет определенный набор семантических аспектов каждой составляющей и реорганизует их [8].

Модель взаимодействия предметных областей, по Корнелисену, предполагает, что основным механизмом, участвующим в создании и осмыслении метафор, не является выбор ранее существовавших атрибутов связанных свойств, как предполагает модель сравнения. Это скорее генерирование и создание нового значения, выходящего за рамки ранее существовавшего сходства. Метафора предполагает объединение целых семантических областей, в которых соответствие между терминами или понятиями скорее конструируется, чем расшифровывается, и результирующий образ и значение являются творческими, а основные черты – эмерджентными.

«Вездесущность метафоры» (см. [15]. – Ю. М.) – это не просто название недавней книги о метафорах, – пишет Йешаяху Шен, – это также правдивое утверждение о достижениях в изучении метафоры за последнее десятилетие. Это утверждение верно в двух отдельных, хотя и дополняющих друг друга аспектах. Во-первых, метафора стала популярной междисциплинарной темой исследований практически во всех дисциплинах, входящих в парадигму “когнитивной науки”, а именно в лингвистике, философии, психологии, философии искусственного интеллекта и теории литературы, а также в смежных дисциплинах – таких как образование, психотерапия и так далее. Этот (возобновившийся) интерес к метафоре и связанным с ней явлениям (таким как аналогия, сопоставление и т. д.) привел к впечатляющему увеличению числа публикаций о метафоре за последние десять-пятнадцать лет или около того, а также в создании нового журнала, посвященного изучению метафоры (“Метафорическая и символическая деятельность”), книг, охватывающих различные смежные области, и многочисленных статей» [17, р. 567].

Стало распространяться убеждение, что метафора является не лингвистическим феноменом как таковым, а скорее гораздо более распространенным концептуальным процессом. Он проявляется в различных явлениях, включая решение проблем, оценку сходства, логические рассуждения и категоризацию (см., например, [17, р. 567]). Правда, Шен считает, что,

несмотря на междисциплинарность исследований метафоры, реальная интеграция между последними достижениями в двух основных дисциплинах, изучающих метафору, а именно в когнитивной психологии и теории литературы, пока еще слаба (по данным на 1999 год, когда вышел специальный сборник, посвященный метафоре) [16]. Он отмечает, что в выходящих сборниках статей предпринята лишь незначительная попытка объединить когнитивно-психологические и литературоведческие исследования метафоры и связать когнитивную психологию, философию и лингвистику и теории литературы и философии.

3. Идеи Р. Цура

Р. Цур приводит рассуждения о конкретном и абстрактном из руководства по стилю и композиции, написанного Клинтон Бруксом и Робертом Пенном Уорреном (Cleanth Brooks and Robert Penn Warren). «Персик, груша, айва, яблоко, абрикос – конкретные существительные. Слово “персик” подразумевает определенные качества: конкретные форму, цвет, вид сладости. Но персик подразумевает, что эти качества “выросли вместе”, поскольку на самом деле они должны воплотиться в персике. (Латинское слово, от которого происходит слово “конкретное” – *concrete*, – буквально означает “сросшийся”.) Мы можем, конечно, абстрагироваться (это слово буквально означает “отобрать”) от этих качеств самого персика и рассматривать их изолированно: сладость, пушистость, мягкость. Выделяя эти качества таким образом, мы получаем набор абстрактных слов. Сладость – это свойство, присущее и персикам, и многим другим продуктам; это качество рассматривается как самостоятельная идея. Слова, которые относятся к идеям, качествам и характеристикам как таковым, как правило, абстрактны. Слова, которые называют классы объектов и классы действий, обычно носят общий характер. Слова, которые относятся к конкретным объектам и конкретным действиям, как правило, являются конкретными и специфичными. В целом, это наши самые яркие слова» [7, р. 298].

Из этого рассуждения вытекает одна важная идея: конкретные существительные – это связки абстракций, сросшихся воедино. Цур в своей когнитивной поэтике обращает внимание на приемы, с помощью которых образный язык абстрагирует («уводит в сторону, изолирует»), выделяет различные качества конкретных существительных или предметов и использует их в поэтических целях. Эта концепция конкретных существительных как связок абстракций, сросшихся воедино, может объяснить важность, придаваемую конкретным существительным в поэзии [19].

«Когда мы используем существительное метафорически, – говорит Кристин Брук-Роуз (1958), – мы абстрагируем определенные атрибуты, которыми оно обладает, опуская другие, которые не подходят; например,

в “розах на ее щеках” мы думаем только об аромате, розоватости и мягкости, а не о шипах, листьях или другом цвете, например желтом» [19, р. 9]. Когда создается метафора, существительное выявляется как носитель одного или нескольких атрибутов. Цур называет это эффективным кодированием.

Из этого простого примера выводятся некоторые принципы. Во-первых, конкретное существительное более экономно: оно кодирует сразу несколько признаков, которые можно приписать цели. Во-вторых, Цур считает, что «совершенно не важно, используем ли мы метафору “розы на ее щеках”, в которой абстракции сочетаются, или перечисляем их одну за другой, например “аромат, розоватость и мягкость ее щек”. В этой метафоре различные неупоминаемые абстракции борются за внимание, но ни один из признаков не может занять место другого; они скорее размыывают друг друга, создавая поток рассеянной информации, которая, таким образом, имеет некоторое структурное сходство с эмоциями» [19, р. 8–9]. В-третьих, даже в этом банальном и общепринятом образе эта сложная структура может служить основой для творчества, переходя от одного набора элементов к другому, активизируя дремлющие, незамеченные особенности. Таким образом, можно генерировать и понимать новые метафоры.

4. Концепция Лакоффа и Джонсона

Для современной теории метафоры (как для когнитивной поэтики) характерна своеобразная полифония голосов: каждый, кто этим занимается, ссылается на десятки предшественников, с которыми согласен или с которыми спорит. Поэтому резонно обратиться к именам, обойти которые невозможно. Лакофф (Lakoff G.), Джонсон (Johnson M.), Фоконье (Fauconnier G.), Тёрнер (Turner M.) – это имена исследователей, после которых взгляд на метафору уже никогда не будет прежним, «наивным».

«Хотя когнитивная риторика связывается, в первую очередь, с именем М. Тёрнера, она в не меньшей степени основана на работах лингвиста Дж. Лакоффа и философа М. Джонсона – создателей теории концептуальной метафоры. Им также принадлежат две важнейшие для когнитивной науки в целом работы: Дж. Лакоффу – “Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении” [11], в которой он, в частности, ввел представление об идеализированных когнитивных моделях, а М. Джонсону – “Тело в сознании: Телесное основание значения, воображения и рационального суждения” [9], в которой он обосновал влияние телесности на концептуальную сферу и предложил понятие образов-схем. Система М. Тёрнера выросла из исследования концептуальной метафоры на литературном материале в книге “Смерть – мать прекрасного: Сознание, метафоры и критика” [20]. В других своих работах “Читающие

сознания» [23] и «Литературное сознание» [24] он предложил сходные с концептуальной метафорой, но более общие категории для описания когнитивных механизмов – проекция, история, парабола. Важнейшей частью когнитивной риторики М. Тёрнера является разработанная им совместно с французским лингвистом Жилем Фоконье теория концептуальной интеграции» [3, с. 8–9].

Кардинального поворота во взгляде на метафору не было бы также без когнитивной лингвистики, среди основателей которой Дж. Лакофф (George Lakoff), Л. Талми (Leonard Talmy) и М. Джонсон (Mark Johnson). Сегодня это течение охватывает широкий круг авторов, среди которых наиболее известны: Р. Гиббс (Raymond Gibbs), Т. Клоснер (Timothy Clausner), Б. Хэмп (Beate Hampe), Р. Дьюэлл (Robert Dewell) и Ж. Мандлер (Jean Mandler) и др. [4, с. 189]. В книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [12] подробно развивается теория концептуальных метафор. Лакофф и Джонсон убедительно показывают, что на самом деле в языке мы используем очень небольшое количество буквальных выражений. Мы говорим метафорами, не замечая этого. К этому причастны так называемые концептуальные метафоры. Если в обычной метафоре от источника на цель переносится один или несколько признаков, то в концептуальной метафоре на целую область человеческой жизнедеятельности переносится другая область вместе со своими связями, отношениями и способами действия.

Чтобы понять идею Лакоффа и Джонсона, приведем те примеры, которые используют они. Они обращают внимание на такие глобальные метафоры, как:

ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ

СПОР – ЭТО ВОЙНА

ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ (РЕСУРС)

метафора КАНАЛА СВЯЗИ – ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ СУТЬ
ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЗНАЧЕНИЙ

ЗНАТЬ – ЭТО ВИДЕТЬ

Это, в соответствии с их теорией, – структурные метафоры, т. е. те случаи, когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого. Они выделяют также ориентационные метафоры: «Существует и другой тип метафорического понятия, когда нет структурного упорядочивания одного понятия в терминах другого, но есть организация целой системы, понятий по образцу некоторой другой системы. Большинство подобных понятий связано с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа “верх – низ”, “внутри – снаружи”, “перед-

няя сторона – задняя сторона”, “глубокий – мелкий”, “центральный – периферийный”» [2, с. 35].

HAPPY IS UP (СЧАСТЬЕ ЕСТЬ ВЕРХ; ГРУСТЬ – НИЗ)

CONSCIOUS IS UP, UNCONSCIOUS IS DOWN (СОЗНАНИЕ
ОРИЕНТИРУЕТ ВВЕРХ; БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ –
ВНИЗ)

HEALTH AND LIFE ARE UP; SICKNESS AND DEATH ARE DOWN
(ЗДОРОВЬЕ И ЖИЗНЬ ОРИЕНТИРУЮТ ВВЕРХ; БОЛЕЗНЬ
И СМЕРТЬ – ВНИЗ)

Характерная особенность концептуальных метафор состоит в том, что из источника на цель переносится целая система отношений. Так, если ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ (для русского уха привычнее ПУТЬ), то она, как и путь, имеет начальную и конечную точку, цель, места развилки. В жизни можно иметь попутчиков, «свернуть с пути» или даже «выйти на кривую дорожку». Если бы жизнь не осмыслялась как путь, то вся ее концептуализация могла сложиться иначе. Например, то, что жизнь имеет цель, очевидно только в рамках метафоры жизни как пути. Если ЗНАТЬ – ЭТО ВИДЕТЬ, то можно «скрывать правду», «темнить», «сорвать покров с тайны», «блуждать в потемках», «пролить свет на что-то» и т. д. Мы пользуемся такими выражениями, не считая их метафорическими. По Лакоффу и Джонсону, если СПОР – ЭТО ВОЙНА, в споре можно «победить», «одержать верх», «разбить аргументы противника». Если бы спор осмыслялся иначе, например как ТАНЕЦ, сама сущность спора была бы для нас иной.

Теория концептуальных метафор была подхвачена многими исследователями, работающими в русле когнитивной поэтики. Также этой идеей заинтересовались психологи. Мы не замечаем, что не только говорим, но и мыслим метафорами. При этом жизненная область более высокой степени абстракции мыслится и толкуется с точки зрения меньшей абстрактности: с одной стороны «жизнь», «время», с другой – путь по поверхности земли, деньги или другой ресурс.

5. Принципы метафоризации по М. Тёрнеру

Есть еще имена, которые не обойти исследователю метафоры. Е.В. Лозинская пишет: «Марк Тёрнер – знаковая фигура когнитивного литературоведения, несмотря на то, что собственно литературоведческих исследований в традиционном смысле слова у него мало. Однако именно в его работах были сформулированы важнейшие идеи, ставшие ядром, вокруг которого постепенно сложился круг литературоведческих исследований, называемых теперь “когнитивными” и выходящих в своих теорети-

ческих положениях за пределы методологии, созданной самим М. Тёрнером» [3, с. 56].

Он автор «когнитивной риторики». А также вместе с французским лингвистом Ж. Фоконье стоит у истоков теории концептуальной интеграции. Лозинская отмечает, что «Когнитивная риторика М. Тёрнера – это в первую очередь наука о связях между разнородными концептами, о проекциях друг на друга историй и концептуальных областей, о понимании одного явления в терминах другого. Традиционно мы связываем эти возможности с переносным смыслом, характерным для литературы, противопоставляя его прямому смыслу обыденной речи. М. Тёрнер показывает, что фигуративность – основа нашего мышления в целом» [3, с. 67]. «Теория концептуальных интеграторов (conceptual blends) (ТКИ), или сетей концептуальной интеграции (conceptual integration networks), представляет собой логическое объединение и продолжение исследований двух авторов: анализа языковых и литературных метафор М. Тёрнером и изучения ментальных пространств французским лингвистом Ж. Фоконье» [3, с. 69].

Теория концептуальных интеграторов показывает, каким образом могут взаимодействовать ментальные пространства источника и цели при создании метафоры. Ментальными пространствами исследователи называют «способы упаковки» знаний или системы знаний об определенных предметах. В качестве примера концептуального интегратора Лозинская приводит метафору «этот хирург – настоящий мясник». В этой метафоре встречаются два концептуальных пространства: наше знание о мяснике и его работе и наше знание о хирурге и его работе. В метафоре два концептуальных пространства смешиваются, порождая третье, смешанное, которое, в свою очередь, порождает четвертое – собственно, пространство метафоры: хирург, который лечит людей, держа в руках не скальпель, а нож мясника.

Марк Тёрнер выступает как последователь теории концептуальных метафор Лакоффа и Джонсона. Но что, если в метафоре не удастся распознать проявления базовой концептуальной метафоры, ни структурной, ни ориентационной? Он пишет статью «Язык – это вирус» [21], название которой – метафора, появление и функционирование которой он объясняет, исходя из собственной точки зрения на метафору. В этой статье Тёрнер вводит два дополнительных правила, которым, по его мнению, подчиняется любая метафора. Он задается вопросом: как нам понять простое уравнение типа «язык – это вирус»? Изложу его видение природы метафоры.

Простое уравнение можно понимать как выражение обычной базовой метафоры, которую мы уже знаем в рамках нашего повседневного лингвистического опыта. Например, фраза «эта работа – объездной путь» может быть понята как выражение базовой метафоры ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕ-

ШЕСТВИЕ. В таком случае основная метафора обеспечивает большую часть интерпретации. Но когда простое уравнение не распознается как пример общепринятой базовой метафоры, оно должно быть понято с помощью различных концептуальных инструментов. Тёрнер рассматривает некоторые из этих концептуальных инструментов: принцип инвариантности и общепринятое представление о природе вещей.

Он отмечает, что метафора «язык – это вирус» необычна не своим погружением в биологию и не безумным сочетанием несовместимых областей, а ее нетрадиционностью: она лежит за пределами общепринятых концептуальных метафор, которые, как ожидается, будут известны носителям английского языка. Он ставит проблему: как мы понимаем такие нетрадиционные метафоры? [21]

Тёрнер отмечает, что за некоторыми простыми метафорическими выражениями стоят общепринятые базовые метафоры, которые мы уже знаем как часть нашей повседневной языковой и метафорической компетенции. Например, уже упоминавшаяся фраза «эта работа – объездной путь» выражает основную концептуальную метафору ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. В таких случаях активация базовой метафоры дает большую часть смысла. Активировать базовую метафору – значит распознать выражение как метафорическое, определить источник и цель и иметь представление о соответствии между ними (см. [12]). Но когда простое уравнение или пример не может быть воспринят как выражение обычной базовой метафоры, мы должны использовать другие принципы, чтобы понять его.

Тёрнер раскрывает несколько таких принципов. Он пишет: наше ощущение того, что можно совершать поступки, не соответствующие нашей природе, основывается на общепринятом представлении о том, что у человека есть качества, которые в стандартном случае определяют его поведение. Общепринятое представление о природе вещей является частью того, что Тёрнер и Джордж Лакофф назвали МЕТАФОРой ВЕЛИКОЙ ЦЕПИ (THE GREAT CHAIN METAPHOR) [10].

МЕТАФОРА ВЕЛИКОЙ ЦЕПИ – это концептуальный комплекс, который мы используем для метафорического понимания форм бытия на одном уровне в терминах форм бытия на другом уровне, например когда мы метафорически понимаем человека в терминах двигателя, подсолнуха или камня. Уровни определяются в рамках второго общепринятого понятия, которое Тёрнер называет «Иерархией Великой Цепи» (Great Chain Hierarchy). Уровни этой иерархии относятся к людям, животным, растениям и физическим объектам. У нестандартных метафор часто есть источник или цель, лежащие за пределами «Иерархии Великой Цепи», и, следовательно, их нельзя понимать как специфические аспекты МЕТАФОРЫ ВЕЛИКОЙ ЦЕПИ. Так, например, язык не занимает четкого места

в «Великой цепи», так же как и вирус. Он ставит вопрос: что же тогда мы можем использовать, чтобы понять метафору «язык – это вирус»? Что мы можем использовать, чтобы понять метафоры «реакционеры – это бумажные тигры» или «королевства – это глина»? – спрашивает он. Мы пытаемся понять простые уравнения, включающие концепции, которые обычно не являются частью «Иерархии Великой Цепи».

Тёрнер считает, что понимание таких метафор зависит частично от природы источника, частично от природы цели. Также здесь вступает в действие «принцип инвариантности». О принципе инвариантности Тёрнер уже писал в более ранней статье «Метафора: поэзия и концептуальный контекст изобретения» [22]. Принципом инвариантности Тёрнер называет ограничение на метафору, которое связано с формами нашего опыта и с тем, как эти формы структурируют наши мысли.

Мы воспринимаем образы в пяти вариантах: визуальный образ дороги, слуховой образ крика, тактильный образ щипка, обонятельный образ запаха сосны и т. д. Ни один насыщенный образ не является полностью уникальным; скорее он имеет общую структуру с другими, родственными образами. «У нас есть схематическое изображение плоского ограниченно-го пространства, которое органично вписывается в наши богатые изображения отдельных столов, отдельных этажей, отдельных плато. У нас есть схематическое представление о вертикальности, которое присуще нашим многочисленным изображениям отдельных деревьев, отдельных зданий, отдельных людей» [21, р. 727]. Следуя Марку Джонсону, Тёрнер использует термин «образная схема» для обозначения таких общих форм, которые структурируют наши образы.

У Марка Джонсона «образная схема» – это повторяющийся динамический паттерн наших перцептивных взаимодействий и двигательных программ, который придает согласованность и структуру нашему опыту. Схема ВЕРТИКАЛЬНОСТИ, например, возникает из нашей склонности использовать ориентацию ВВЕРХ/ВНИЗ при выборе значимых структур нашего опыта [21, р. 727]. У нас также есть динамические схемы изображений движения вверх, или падения, или расширения и т. д. Когда мы понимаем нечто, мы естественным образом структурируем его в терминах таких элементарных схем изображений.

В чем же состоит принцип инвариантности метафоры? Это некое ограничение, накладываемое образными схемами на метафору. Метафора, согласно Тёрнеру, может быть не любой, но только допускаемой образными схемами. Тёрнер утверждает, что, когда мы метафорически сопоставляем одно изображение с другим, мы обязаны не нарушать схематическую структуру целевого изображения. Например, схема вертикальности в целевом объекте не может быть отображена в обратном виде;

внутренняя часть целевого объекта не может отображаться внешней частью чего-либо [21, р. 730].

Другое ограничение, накладываемое на метафору нашим мышлением, – это наше бытовое представление о «природе вещей». «Многие вещи, помимо образов, по-видимому, структурированы образными схемами. Наши представления о времени, событиях во времени и причинно-следственных связях, по-видимому, структурированы этими образными схемами. Мы думаем о времени, которое не имеет формы, как о чем-то, имеющем форму, например линейную или круговую, и о том, что эта форма имеет схематическую структуру» [21, р. 729]. Мы думаем о событиях во времени, которые не имеют формы, таких как непрерывность, протяженность, дискретность, завершение, неограниченность, цикличность, отношения части и целого и т. д., как о имеющих форму. Для нас причинно-следственные связи имеют схематические формы связей физического мира. Эти формы, эти изображения-схемы не обязательно должны быть статичными, утверждает исследователь. У нас есть динамический образ-схема того, как одна вещь вытекает из другой, и мы используем ее для структурирования одной из наших концепций причинно-следственной связи.

Итак, Тёрнер формулирует принцип инвариантности как ограничение на метафорическую инновацию и изобретение новых метафор: в метафоре мы обязаны не нарушать образно-схематическую структуру объекта. Мы ограничены этим принципом, который означает, что мы не должны нарушать любую схематическую структуру образа, которой могут обладать компоненты объекта, не относящиеся к изобретаемой метафоре. У принципа инвариантности есть и вторая часть, связанная с различием между информацией конкретного уровня и информацией общего уровня в схеме. Гипотеза инвариантности принадлежит Лакоффу и Тёрнеру (см. [10, 22]).

Второе ограничение метафоризации Тёрнер называет «Природой вещей» («Природой Источника» и «Природой Цели» в метафорическом отображении). Так, в простом выражении «королевства состоят из глины» не выражается никакая базовая метафора. Но мы понимаем это выражение как подразумевающее, что царства легко распадаются или деформируются, и никто из нас не поймет это как подразумевающее, что царства, подобно глине, можно найти в почве. Мы приходим к такому пониманию, сопоставляя образно-схематическую структуру «Природы Глины» с «Природой Царств» в соответствии с «Принципом инвариантности» [21]. Тёрнер утверждает, что это ограничение применяется ко всем метафорическим связям, общепринятым или нет. Любая метафора обязана сочетать «Природу вещей» с «Принципом инвариантности».

Так, чтобы понять, что «язык – это вирус», мы сопоставляем информацию общего уровня о природе вируса с информацией о природе языка

и приходим к выводу, что язык – это нечто, передаваемое от человека к человеку, и что те, у кого проявляются симптомы «наличия языка», и те, у кого проявляются симптомы «владения языком», передают их другим, у которых в результате развиваются те же симптомы [21, р. 732]. Он пишет: «Коммуникация возможна именно потому, что писатель и читатель используют определенные общие концептуальные ресурсы – и осознают это. Пишущий предполагает, что читатель, читая, будет определенным образом интерпретировать его слова. Читатель, читающий книгу, предполагает, что его основные интерпретационные инструменты не только известны автору, но и фактически используются им в качестве основы для общения» [21, р. 735]. Это тот принцип интерсубъективности, о котором говорит Хью К. Уайт.

Итак, по Тёрнеру, инструменты владения метафорой включают «Принцип инвариантности», общепринятое представление о природе вещей и их комбинацию. Основной вывод для нас в том, что метафоры могут быть не любыми. Чтобы сообщать информацию, они должны соответствовать определенным ограничениям. Мы живем, говорим и действуем в царстве концептуальных метафор. Но Тёрнер показывает, что не все метафоры можно понимать исходя из более глобальной и обыденной для нас концептуальной метафоры. Есть метафоры, которые как бы «сами по себе». Но и они подчиняются определенным закономерностям – принципу инвариантности и нашему представлению о природе вещей. Эти принципы являются общими для всех, создающих и понимающих метафору. Они интерсубъективны.

Заключение

В работе охарактеризован наивный взгляд на метафору, бытовавший с древних времен до последних нескольких десятилетий. Метафора воспринималась как украшение сугубо поэтической речи, а в основе метафоризации видели логическую операцию сравнения. Рассмотренные в статье точки зрения на метафору отличаются от наивного взгляда. В настоящее время исследование метафоры продвигается очень быстро. Теориям концептуальных метафор и интеграторов исследователи прочат стать фундаментальными для дальнейшего развития различных направлений когнитивного литературоведения. Но нетрудно увидеть, что эти теории выходят за рамки когнитивной поэтики и имеют дело с языком и мышлением как таковыми. Но все ли теории, представленные сейчас, окажутся валидными? Или от некоторых придется отказаться со временем или даже в корне пересмотреть всю ветвь исследований метафоры? В любом случае, изложенное здесь будет интересно как широкому читателю, так и узким специалистам.

Литература / References

1. Горнфельд А. Троп // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1. – Харьков: Мирный труд, 1911. – С. 343–346.
- Gornfel'd A. Trop [Trope]. *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva*. Т. 1 [Questions of theory and psychology of creativity. Vol. 1]. Kharkov, Mirnyi trud Publ., 1911, pp. 343–346.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaforý, kotorymi my zhivem* [Metaphors we Live by]. Moscow, URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russian).
3. Лозинская Е.В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 160 с.
- Lozinskaya E.V. Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov: analiticheskii obzor [Literature as thinking: cognitive literary studies at the turn of the XX–XXI centuries: An analytical review]. Moscow, INION RAN Publ., 2007. 160 p.
4. Смирнова Н.М. Образные схемы в структуре творческого смыслополагания // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 9. Философско-методологический анализ творческих процессов. – М.: Голос, 2023. – С. 181–220.
- Smirnova N.M. Obraznye skhemy v strukture tvorcheskogo smyslopolaganiya [Figurative schemes in the structure of creative meaning]. *Filosofiya tvorchestva*. Vyp. 9. *Filosofsko-metodologicheskii analiz tvorcheskikh protsessov* [Philosophy of creativity. Iss. 9. Philosophical and methodological analysis of creative processes]. Moscow, Golos Publ., 2023, pp. 181–220.
5. Black M. *Models and Metaphors*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1962. 278 p.
6. Black M. More about Metaphor. *Metaphor and Thought*. Ed. by A. Ortony. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 19–43.
7. Brooks C., Warren R.P. *Modern Rhetoric*. New York, 1958. 869 p.
8. Cornelissen J.P. Metaphor in Organization Theory. *Academy of Management Review*, 2005, vol. 30, no. 4, pp. 751–764.
9. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, IL, University of Chicago press, 1987. 233 p.
10. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago, University of Chicago Press, 1989, pp. 160–213.
11. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1987. 614 p.
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we Live by*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1980. 242 p.
13. Ortony A. Beyond Literal Similarity. *Psychological Review*, 1979, vol. 86, no. 3, pp. 161–180.

14. Ortony A. The Role of Similarity in Similes and Metaphors. *Metaphor and Thought*. Ed. by A. Ortony. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, pp. 186–201.
15. Paprotte W., Dirven R., eds. *The Ubiquity of Metaphor*. Amsterdam, Philadelphia, J. Benjamins, 1985. 628 p.
16. *Poetics Today*. Vol. 13, no. 4. *Aspects of Metaphor Comprehension*. Duke University Press, 1992.
17. Shen Y. Cognitive Aspects of Metaphor Comprehension: An Introduction. *Poetics Today*, 1992, vol. 13, no. 4. *Aspects of Metaphor Comprehension*, pp. 567–574.
18. Shen Y. Metaphors and Categories. *Poetics Today*, 1992, vol. 13, no. 4. *Aspects of Metaphor Comprehension*, pp. 771–794.
19. Tsur R. Cognitive Poetics and Speaking the Unspeakable. *Journal of Foreign Languages*, 2008, vol. 31, no. 4, pp. 1–24.
20. Turner M. *Death is the Mother of Beauty: Mind, Metaphors, and Criticism*. Chicago, University of Chicago Press, 1987. 208 p.
21. Turner M. Language is a Virus. *Poetics Today*, 1992, vol. 13, no. 4. *Aspects of Metaphor Comprehension*, pp. 725–736.
22. Turner M. Poetry: Metaphor and the Conceptual Context of Invention. *Poetics Today*, 1990, vol. 11, no. 3, pp. 463–482.
23. Turner M. *Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science*. Princeton, Princeton University Press, 1991. 298 p.
24. Turner M. *The Literary Mind*. New York, Oxford University Press, 1996. 187 p.
25. White H.C. Metaphor and Myth: Percy, Ricoeur and Frye. *A Wise and Discerning Mind: Essays in Honor of Burke O. Long Book*. Ed. by S.M. Olyan and R.C. Culley. Brown Judaic Studies, 2020, pp. 245–270.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026.

Статья прошла рецензирование 08.04.2026.

The article was received on 11.02.2026.

The article was reviewed on 08.04.2026.